

Тимофей Белозёров МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

из книги "Волшебный посошок" изд. "Детская литература", 1976г

ЗАКОЛДОВАННАЯ РОЩА

Чего только не увидишь из окна деревенского дома! Вот через поле бежит тропинка. Нырнет в берёзовую рощу и спешит дальше. Обыкновенная полевая тропинка. И роща самая обыкновенная.

Только вот что странно: люди идут по тропинке, входят в рощу, но никто из рощи не выходит!

Вошли в рощу две девочки — и не вышли.

Въехал велосипедист — и не выехал.

Проковылял старичок — и пропал...

Уж не завёлся ли в роще Змей Горыныч?

Или Соловей-разбойник?

Смотрел я, смотрел... Не вытерпел и тоже пошёл в рощу.

Захожу, а там...

Всё красно от костяники!

ЖАВОРОНКИ

С первыми лучами солнца в небо взлетают жаворонки. Их радостные трели всею рассыпаются на лесные опушки, хлебные поля и лужайки. Усталые опускаются они на землю, чтобы взлететь ещё выше и спеть ещё радостней. Щедрые, неутомимые птицы!

Там, где поют жаворонки — ярче цветы, слаще ягоды и ароматнее хлеб.

ГЛУПАЯ УТКА

Я шёл по весеннему приозёрному лесу и в развилке согнутого вяза увидел гнездо. Заглянул в него, а там утка. Сидит на яйцах и до того отохла уже, что и взлететь не может — только шипит.

«Шипи не шипи, — подумал я, — а пропадёшь ты из-за своей глупости и утят погубишь. Слыханное ли дело — забывать о родных камышах! Постояла в лесу полая вода, и нет её — один мусор остался!»

Расстелил я на земле пиджак, снял с вяза гнездо и отнёс его вместе с уткой на озеро.

СУЛТАН

В сибирской деревушке Нерпинке на каждом дворе — собака. У старых, одиноких людей собаки на цепи сидят, а у молодых — вольные. Чья возле калитки дремлет, чья в поле мышкует, а чья с ребятишками по тайге ходит. Живут в своё удовольствие! Один лишь Султан с ног сбился — трактор водит. Заведёт его хозяин трактор, с места стронет, и Султан впереди бежит. Весь день впереди трактора бегаёт. Хвост крючком, язык на сторону. И лес трелевать и сено возить — везде успеть надо! В полдень хозяин обедать идёт, а Султан на речку — купаться. Закупался он однажды, прибежал к дому, а трактор его ушёл... Выбежал Султан в поле, сел, ушами водит — слушает. Слушал, слушал... Из всех тракторов свой по звуку определил — и напрямую в лес.

(* Трелевать — подтаскивать.)

Через минуту выбегает на дорогу Султан, за ним трактор, а за трактором волокуша тянется...

Сначала-то молодые трактористы над Султаном смеялись, но после такого случая перестали — какой уж тут смех, если механик тебе в пример собаку ставит!

СМЕЛАЯ ПТИЦА

Это было на глухом северном озере Интенис. Один из охотников подстрелил утку, и её понесло на середину плёса, где плавали лебеди с тремя дымчатого цвета лебедятами. Увидев охотника, лебедь взлетел и стал кружить над ним. Лодку разворачивало ветром, и охотник никак не мог догнать свою добычу. Махая веслом, он был уже совсем близко от лебедят. Лебедка заволновалась. И вот, как бы споткнувшись в небе, лебедь упал на крыло и, снизившись над охотником, заставил его пригнуться в лодке. Охотник грозил ружьем, но лебедь не отступал: его широкие крылья сверкали над головой охотника словно серебряные мечи.

Усталый, со смеющимися глазами, охотник сошёл на берег и восхищённо сказал:

— Вот это птица, братцы мои, а?

ЛЯГУШКА

Я искал на болотце червей для рыбалки — отдираю руками травянистый дёрн и беру их. Дёрн был мягкий, как кошма, и отдирается легко — я даже скручивал его в трубку. Я уже большой рулон накрутил, смотрю — в уютном гнёздышке сидит лягушка. Притаилась, закрыла глаза и сидит как мёртвая, только дышит часто. Подумать только, что она пережила в эти минуты! Корни трещат и рвутся, крыша над ней куда-то катится, в глаза бьёт яркий солнечный свет...
Ад кромешный!

КАК МЕДВЕДИЦА РЫБУ ЛОВИЛА

В реке Амуре шла кета. На берег спустилась медведица с медвежонок и стала ловить рыбу. Медведица выхватывала из воды крупных, сверкающих рыбин и швыряла их через спину на песок. Рыбины били хвостами, добирались до воды и уходили в реку. Медвежонок бегал и подталкивал их к воде. А медведица всё швыряла и швыряла рыбин. Но вот она оглянулась, сердито рывкнула и, схватившись лапами за голову, закачалась из стороны в сторону...

Наконец медведица пришла в себя, медвежонок получил такую затрещину, что укатился в кусты и притих там, а медведица снова стала ловить рыбу. Медведица ловила рыбу, убивала её и кидала на берег, подальше от воды.

А медвежонок сидел в кустах и смотрел.

МАЛЬЧИК И МЕДВЕДЬ

Медведь попал в трясину и стал тонуть. Он месил лапами жижу, барахтался и ревел, но вылезти не мог. Рядом росла берёзка, а в кустах сидел мальчик и, дрожа от страха, смотрел, как тонет медведь. Мальчик мог наклонить берёзку и спасти медведя, но боялся, что медведь его задерёт.

А медведь тонул. И вдруг он увидел мальчика. Глаза его ожили, но мальчик сидел в кустах и дрожал, и медведь всё понял. По его бурным щекам потекли слёзы, глаза налились кровью, медведь взревел, по грудь вырвался из трясины... и всё стихло.

А мальчик сидел в кустах и дрожал.

ЛАСТОЧКА

На чердаке под крышей в гнезде сидела ласточка. Я решил поймать её. Чтобы добраться до гнезда, мне пришлось перехватить руками три стропилины. Ласточка сидела в гнезде и наблюдала за мной. Раз! Два! Три! Я протянул руку, и ласточка улетела.

Так повторилось несколько раз.

Тогда я решил перехитрить её: я подтянулся и пропустил одну стропилину.

Раз... Два! Ласточка была рядом, но продолжала спокойно сидеть в гнезде. Я протянул руку и взял её.

Ласточка смотрела на меня и, казалось, говорила :

«Как же так? Я досчитала только до двух — откуда ж ты взялся?!»

ПЕТУХ

Я сидел во дворе на лавочке и смотрел на петуха. Петух разгуливал по молодой, зелёной травке и клевал букашек. И алый гребень, и пёстрый хвост, и точёные шпоры на жёлтых его сапожках — всё горело, сверкало, переливалось. Недаром курицы то и дело закатывали глаза — петух был просто ослепительный.

Но вот по траве скользнула тень коршуна, петух подпрыгнул, чуть не подавился криком и, пригнувшись, помчался под амбар. Он долго не мог пролезть в дыру, отчаянно дрыгал ногами и так орал, что из окна выглянула бабушка.

— В суп захотел, чёрт голенастый! — сказала она сердито и закрыла окно.

Через минуту петух вылез из-под амбара, отряхнулся и снова стал ходить по двору и клевать букашек. Петух клевал букашек, и каждое его перышко по-прежнему сверкало и переливалось на солнце.

КАНАРЕЙКИ

Канарейка собралась вить гнездо.

Я нарезал ей разных ниток — простых, суровых и мулине, они остались ещё от бабушкиного вышивания. Канарейка укладывала в гнездо нитки, а кенар сидел на жёрдочке и смотрел. Канарейка

была молодая и выдёргивала нитки без разбору — простые, суровые, мулине. Кенар слетел вниз и начал что-то отрывисто петь канарейке. Канарейка поглядывала на гнездо и слушала. Но вот кенар снова взлетел на жёрдочку, а канарейка стала вытаскивать из гнезда суровые и простые нитки, а вместо них укладывать цветные мулине...

«Ну и ну!» — подумал я, а кенар ещё раз взглянул вниз, подпрыгнул на жёрдочке и залился звонким радостным колокольчиком.

БРОДЯЧИЙ КОТ

Я сошёл с теплохода поздно вечером и остался ночевать на дебаркадере; снял сапоги, положил в изголовье рюкзак и растянулся на лавке. Теплоход отчалил, и я остался один. Далеко в селе перебрёхивались собаки, дебаркадер покачивало, и я вскоре уснул. Проснулся я от тяжести: на груди у меня лежал большой тёмный кот и мурлыкал. Я столкнул его, повернулся на бок, но уснуть уже не мог — кот прыгнул на лавку и всё ходил, отыскивая уютное место. Наконец он протиснулся поближе ко мне, уткнулся мне мордой в подбородок и замурлыкал. Сначала тихо и робко, потом всё громче и смелее. Кот жаловался мне на свою бродячую жизнь, на злых деревенских собак и равнодушных людей, на холод и одиночество...

Я лежал и слушал, думая о своём, а дебаркадер неторопливо покачивала и покачивала сонная ночная река.

ПАРОМ

Скучно сидеть и ждать самолёт или поезд, а вот паром — интересно. Вон он, на том берегу стоит — виден как на ладошке. Автомшины фарами поблёскивают, лошади гривами трясут. Вот мотоцикл въехал, никого на берегу не осталось — сейчас отчалит. Побежали в небо колечки дыма, и поплыл над рекой неторопливый масляный звук: тук-тук-тук!..

Лошади спокойно сено жуют, люди на воду смотрят, одна только лодка сзади парома на верёвке волнуется — то слева выглянет, то справа: «Никто не упал? Никто не свалился?» Тук-тук- тук! — постукивает паром. — Тук-тук-тук!..

СЛАДКАЯ КЛЮКВА

В гости к деду-леснику приехал внук. Угостил его дед клюквой, съел он одну ягоду и говорит:

— Кислая твоя клюква. Мне бы сладенькой!..

— Можно и сладенькой, — сказал дед и назавтра разбудил внука ещё до свету. — Пойдём в тайгу за сладкой клюквой!..

Клюкву брать — не клубнику. Болото, кочки метровые. Потянулся внук за ягодой, а дед говорит: «Подожди!» Ткнул в кочку палкой, а там змея.

Идут они, выгоняют из кочек змей и берут клюкву. А где-то рядом совсем то лось протрубит, то медведь рывкнет... Внук деда домой тянет, а тот смеется:

— Да ты попробуй клюкву-то! Может, не сладкая ещё?

— Сладкая, сладкая! — отвечает внук. — Давно уже сладкая!..

ФУЗЕЯ

У меня в комнате на стене висит старинное ружье — фузея. Ствол у неё длинный, широкий, курок тугой, как волчий капкан, и с насечкой. Дед с ней охотничал, и мне в войну довелось. Пороху в деревне у нас не было, и мы делали его сами — перетирали осиновый уголь с серой и селитрой. Иногда фузея выстреливала сразу, а иной раз долго шипела и только после этого стреляла. Но самым неудобным был курок. Один я его взвести не мог, и мне помогала бабушка. Мы зажимали фузею в дверях, брали полено и давили на курок изо всех сил, пока он не щёлкал. Бабушка взваливала мне, фузею на плечо, и я шёл на охоту.

Уток у нас на озере было много, и я стрелял не целясь: наставлял на озеро фузею, нажимал на спусковой крючок и на всякий случай отползал в сторонку. Я лежал в сторонке, ловил кузнечиков или жевал травинку, а фузея шипела, тужилась и, наконец, выстреливала...

— Слышала, как ты пальнул! — встречала меня бабушка и вздыхала: — Хотя бы чирочка подстрелил, что ли! Возвожу тебе этот курок, возвожу...

Зато уж когда охота была удачной, в избе у нас царил настоящий праздник. Бабушка ошипывала утку и радостно приговаривала:

— Экий баранище! А жиру-то, жиру —страсть!.. Намедни была у бригадирши. Санька её тоже подстрельнул чирёнка, так и глядеть не на что! Лежит, горемыка, лапки враспопырку, махонький, синий...

Прошло много лет.

Были у меня разные ружья: одноствольные и двуствольные, курковые и бескурковые, тульские и немецкие, но самым дорогим из них до сих пор остаётся фузея — старинное дедовское ружье с тяжёлым стволом и тугим курком с насечкой.

УЛИЧНЫЙ ФОНАРЬ

На столбе висел уличный фонарь.

Скрипя и раскачиваясь на ветру, фонарь освещал тротуар, телефонную будку на углу дома и кусты сирени. Летом под его широким колпаком плясали ночные бабочки, а зимой мелькали снежинки. Люди привыкли к фонарю и не замечали его до тех пор, пока он не погас.

НЕ в РИФМУ

В кружок юных поэтов пришёл второклассник Саша Падерин. Руководитель кружка написал на доске слово «вода» и предложил ребятам подобрать к нему рифму.

— Беда!

— Руда!

— Туда-сюда!

— Ябеда!

— Ерунда! — закричали ребята.

А Саша посмотрел на свои руки, вздохнул и сказал:

— Умывальник.

ЧЬИ АРБУЗЫ?

В маленьком приморском городке на колхозном рынке появилась гора арбузов. Один арбуз был расколот — над его медовой алой мякотью роились пчёлы. У прилавка собралась большая очередь. Ждали хозяина арбузов, но он не приходил. Послали за директором рынка.

— Ума не приложу, чьи это арбузы! — сказал директор. — С вечера лежат. Я уж и в милицию звонил...

Не растащили бы!

Прошло два дня, и возле арбузов появился молодой весёлый грузин.

— Вай, вай! — радостно приговаривал он, гремя весами. — Друга встретил, обо всём забыл!..

БЕРЕЗА

На высокой гриве стоит берёза. Её корявый ствол оброс лишайником и тугим, как резина, трупом. С пожелтевших сучьев до самой земли свешиваются длинные молодые ветви. Эти ветви делают берёзу очень чуткой: кругом ни ветерка, а берёза покачивается, сверкает листьями и шумит, шумит... И тонут в этом родном сердцу шуме все обиды, горести и боязни.

Войди в этот шум—и ты станешь самым счастливым!

В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

Весной лес полон цветов, летом — грибов и ягод, а осенью — тишины. Сорвется с дерева лист, и слышно, как он летит и стучается черешком о ветки. Тенькнет синица, и словно в пустой комнате прозвучит туго натянутая струна. Тишиной залиты сорочьи гнёзда, колея дороги и размытый овраг. Высоко в небе летят журавли, и от их бодрого, радостного крика в лесу становится ещё тише и печальнее...

Скорей бы зима, что ли!

КОМАРИНЫЙ КОЛОБОК

Пришла зима, ударили сильные морозы, и мы с дедом поехали в рям за дровами. Повалили сухостойную осину, распилили её, смотрю — у самого комля дупло, а на дне дупла целый колобок комаров. Закатал я его незаметно от деда себе в рукавицу, привёз домой и бросил на печь.

Накормила нас бабушка ужином, и мы легли спать. Слышу под утро — дед на печи ворочается и сам себя то по лбу, то по щекам хлещет.

— Что с тобой, старый? — шепчет с лежанки бабушка.

— Да комары, будь они прокляты! — тихо ругается дед, надавая себе пощёчины.
— На дворе мороз — носа не высунуть, а тебе комары, — удивляется бабушка.
Но дед снова звонко бьёт себя по лбу, влезает с печи и зажигает свет. "
Было потом у нас возни и смеха!

ЖИМОЛОСТЬ

На берегу реки кусты жимолости, запорошенные снегом. Тонкие ветки с колючками усеяны сухими, шоколадного цвета бобинками. В бобинках — семена. Ветер качает ветки, и бобинки гремят, как детские погремушки. Осенью, когда река капризничала, гремели. Когда куличок плакал — гремели. И сейчас, в морозной тишине, тоже гремят — синиц да воробьев успокаивают.

* Р я м— моховое болото,

www.mojrebenok.narod.ru